

ВСПОМИНАЯ ДРУГА Век. Москва. — 1996. — 24 сент. — с. 7

Легко прими то, что неизбежно

Об интеллигентном артисте Никите Подгорном

Народный артист России (а точнее, РСФСР) Никита Владимирович Подгорный, всегда подтянутый, в хорошо сшитом костюме, производил впечатление уверенного в себе, несколько избалованного интеллигента, что не соответствовало истинному содержанию его сложной натуры. В общении он был чрезвычайно простым, доступным, демократичным, всегда «звучал мажорно», много острил, не чуждался бегемотных компаний, никогда ханжески не отлучался от застолий. Но допускал в душу и сердце очень и очень немногих. И я горд тем, что оказался среди них.

Он был великолепным партнером. В моей артистической практике одним из лучших, наряду с Еленой Николаевной Гоголевой, Михаилом Царевым, Михаилом Жаровым, Евгением Самойловым, Юрием Соломиным, Анатолием Палановым, Ольгой Аросевой. Нас объединяло многое: неприятие идеологии советских коммунистов, практически исковеркавших очень интересные теоретические рассуждения и мечты Маркса и Энгельса; ощущение пагубности повсеместной лжи и несправедливости, рожденных в процессе советских «опытов»; бойкот чуть ли не наивно навязывавшимся политзанятиям, всегда тенденциозным, искажавшим процесс рассуждений, сомнений. Объединяла нас и независимость в поведении, размышлениях, в выборе кумиров, оценках класса режиссуры, актерского мастерства, а также и то, что мы не гнушались посвящать некоторое время застольям, не теряя, однако, способности решительно отказаться от лишних соблазнов и приглашений.

Подгорный мог быть предельно категоричным, порой даже суровым, резким, саркастичным и даже грубым в своих суждениях о людях да и в общении с ними, правда, в тех редких случаях, когда они «заслуживали» его гнева. В то же время он мог искренне прослезиться, услышав от собеседника, например, рассказ о его бедах...

И вот пришла беда к нему самому. Сначала был один диагноз, затем еще два-три, и только за несколько недель до трагедии определился верный, который от него скрывали. Никита, ничего страшного не предполагавший, но заметно ослабевший, продолжал вести себя в привычной, почти легкомысленной манере и потребовал поездки в одно из любимейших своих мест — Щельково, бывшее поместье А. Н. Островского, а потом Дом творчества, обжитый многими артистами Малого театра. Создавалось впечатление, что болеет его жена — Ольга Чуваева — артистка нашего театра, а не Никита. Она знала правду о его «здоровье», и ей сохранять видимое спокойствие было непросто.

...Задышавшийся и похудевший Никита вел себя в Щелькове (я тоже был там), как всегда, — собирал вокруг себя множество людей, ценивших его юмор, не скрывал того, что и сам себя чувствовал одним из «хозяев» бывшего поместья, его красот и просторов, которых там великое множество даже сейчас, после «универсальной» 75-летней обработки.

...Тем не менее Никита понимал, что необходимо возвращаться в Москву, что нужно быть поближе к врачам. Он сам сел за руль своего автомобиля, улыбался всем провожавшим его, махал рукой и на прощание громко-громко сказал: «До следующего лета! Непременно...», лихо развернув машину, укатил в Москву.

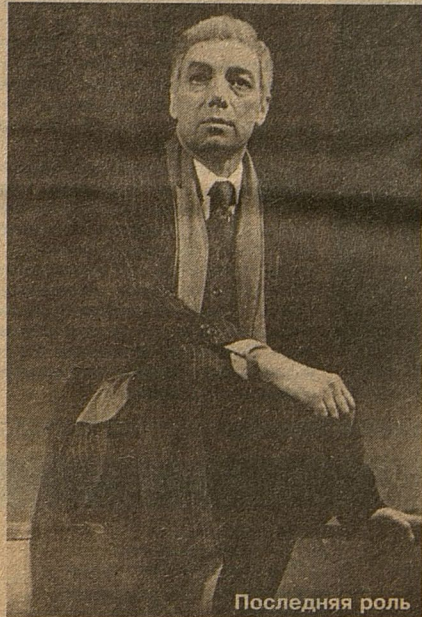
Сразу же за пределами Дома творчества он с трудом перебрался на заднее сиденье, уступив руль сидевшему в автомобиле местному жителю — водителю грузовика, согласившемуся сопроводить его до столицы.

Все было Никитой продумано, срежиссировано и с блеском сыграно! По пути в Москву пришлось останавливаться почти в каждом населенном пункте, не говоря уже о городах Судиславле, Костроме, Ярославле, Ростове-Великом, Переславле-Залесском, чтобы сделать обезболивающие уколы почти терявшему сознание больному...

Я навел на него в палате онкологического центра. Он острил по поводу поставленной ему капельницы, кокетничал с сестрами, с аппетитом ел принесенную мною дыню, передавал приветы общим знакомым, делился со мной планами на будущее.

Случайно узнал от врачей, что накануне Никита лежал в реанимации. От врачей, не от него! Я особого значения не придал этой новости, ибо внешний его облик отличался от того, который был в Щелькове, настолько разительно, что я, вернувшись домой, тут же позвонил матери Никиты Анне Ивановне и сообщил: «Никита явно выздоравливает, хорошо выглядит, бодр...». Она ответила: «Я разговариваю с ним несколько раз на день по телефону и по голосу тоже чувствую — ему лучше!».

...Через четыре дня он умер. Я был потрясен. Только тогда выяснилось, что он-то, оказывается, был осведомлен о неизбежности скорой своей смерти еще до последнего посещения Щелькова. И, превозмогая черные мысли, боль, удушье, старался — теперь это стало очевидным — казаться бодрым, веселым, чтобы не доставлять лишних страданий своим близким! Нашему общему знакомому в Доме творчества за несколько дней до отъезда в Москву он признался: «Я приехал сюда обреченным. Приехал прощаться! Прощаться с колдовской природой, с щельковскими друзьями детства, с духом местных красот. Поеду в Москву умирать, там наши могилы! Подгорный! Никому ни слова! Прощай!». Сказав это, дал знако-



Последняя роль

мому денег и добавил: «Когда узнаешь о моей смерти, купи водки и устрой поминки, но обязательно в лесу! Прощай».

Легкоранимый баловень-интеллигент совсем не атлетической внешности, лишенный мощных бицепсов, оказался человеком огромной силы воли, порядочности и наделенным высочайшим божественным качеством — чувством сострадания и любви к ближним! Он оказался истинным христианином, принявшим смерть спокойно, как неизбежное, не будучи, кстати, верующим ни по внешним проявлениям, ни по каким другим признакам.

Спектакль «Выбор» Юрия Бондарева. Подгорный в роли Рамзина, богатого русского, живущего в Германии, женившегося на немке... Болен. Рак. Приехал в Россию. Прощаться с матерью. Кончает жизнь самоубийством.

Никита приезжал на репетиции — вплоть до двух генеральных — на автомобиле «скорой помощи» из онкологического центра... Финальная мизансцена спектакля: Рамзин поднимается на последнюю ступеньку лестницы, идущей вверх, к небу. Останавливается, освещенный лучом яркого света, поднимает руку и произносит последнее слово в своей роли и, как оказалось, в жизни: «Прощайте!».

...На поминках я обратил внимание на книжную полку, на которой гордо возлежал вечно готовый к «бою умов» великий Сократ, и подумал о том, что Никита наверняка знал описанную Платоном кончину мудреца, случившуюся за 39 лет до новой эры. Завистники — афиняне — выдвинули против старого босоногого Сократа ложные обвинения. Он был приговорен к смерти. Палач, симпатизировавший Сократу, дал ему смертельный яд и прошептал на ухо: «Старайся легко принять то, что неизбежно!».

Я убежден, что именно эти слова были компасом предсмертных дней моего дорогого, любимого и незабвенного друга Никиты Подгорного.

Евгений ВЕСНИК,
народный артист СССР

* Сыграл он всего 3 спектакля с огромным успехом.

Фото Игоря ЕФИМОВА



Н.Подгорный с партнерами
по сцене — Е.Весником
и Э.Быстрицкой